

Оглавление

Вместо вступления. Чтение в детстве 9

Часть I. КРУПНЫМ ПЛАНОМ

Страстей единый произвол	15
Милый идеал	34
Самодержавие, православие и народность Лермонтова	38
Пылкая старость	44
Мимими с оскалом	47
Вещдок	51
Душераздирающее зрелище	59
Странные сближения	65
Fathoming Loseff	111
Жизнь после жизни	134

Часть II. В ОБЩИХ ЧЕРТАХ

Университет счастья	139
Лед и пламень	145
Придаточное биографии	162

Орфей в подземке	167
Темы и вариации	190
Гибель с музыкой	196
Свой	224
Обнажение приема	228
Опыты Заболоцкого	232
Мэтр	241
Другой Межиров	246
Карнавал Галича	264
20 строк как 200 грамм	282
Нежестокый талант	287
Воспоминания о Лосеве	295
Олимпийская игра	309
Сын фотографа	316
Комментарий к фотоснимкам	330
“Чужой по языку и с виду...”	334
Ситуация Ц	343
Детсаду о зоосаде	348
Советский Гамлет	353
Заметки об Алексее Цветкове	360

Часть III. ДОМАШНЯЯ РАБОТА

От автора	381
Танцы за плугом	383
Метафизика поэтической кухни	391
Польза поэзии	399
Трудное удовольствие	402
Эники-беники	407
Две поэзии	411

Волшебная скрипка	417
Та-та́ — та-та́ — мечта поэта	424
Как, что, кто	427
Кто кого, или Равенство	432
Парадокс акына	436
<i>Список иллюстраций</i>	<i>441</i>
<i>Об авторе</i>	<i>443</i>

Вместо вступления

Чтение в детстве

Читать я начал из-под палки между восемью и девятью годами. А до поры я довольствовался отцовским пересказом литературных сюжетов. “Робинзона Крузо” я сперва узнал со слуха, а только потом прочел. Первой увлекшей меня книгой была “Борьба за огонь” Ж. Рони-старшего. Я бросился читать подряд с нарастающей скоростью весь принятый тогда подростковый набор беллетристики — Купера, Майн Рида, Дюма, Стивенсона, — и уже через два-три года отец с осуждением замечал, что так не читают — так глотают.

Прочитанное незамедлительно сказывалось на моей речи и манерах; я был, вероятно, довольно неуместен — нелеп и велеречив — в нашем прибалтненном дворе в среднем течении Можайки. Но с высот сегодняшнего взрослого благоразумия и осмотрительности я завидую некоторым своим отроческим поступкам, возрастному донкихотству, которым я обязан, безусловно, книгам.

Читать лучше вовремя. Только стыд не позволяет мне привести здесь длинный перечень всего, что прочесть следовало, а я не прочел в срок и уже вряд ли прочту, а если и прочту, то движимый не любопытством, а стыдом: литератор как-никак. И вообще я с огорче-

нием замечаю, что с годами моя потребность в чтении убывает.

Дети мои читают вяло. С десятилетним сыном идет мелочный торг: время, проведенное за книгой, должно строго соответствовать времени, отпущенному на компьютерные игры. Мальчик поймал меня на слове и норовит каждую четверть часа чередовать чтение с плутанием по бункерам DOOM'a с помповым ружьем, и я холодею, заметив краем глаза, что сын минута в минуту подсаживается к IBM, отодвинув книгу на словах “внезапно Холмс...”.

Или в сравнении с авантюрной остротой нынешних зрелищ чтение представляется детям пресным?

Дочь постарше, она и читает получше. С нравственной здравостью некоторых ее оценок нельзя не согласиться с удивлением. Мальчиковый кумир — граф Монте-Кристо — возмутил мою дочь недужным прилежанием мести.

Можно строить разные предположения, отчего некоторые произведения, по замыслу обращенные к взрослым, дрейфуют в сторону детского чтения, а другие, по всем приметам подростковые, — не выдыхаются и сопутствуют нам и в зрелые годы. Романы Стивенсона, например.

Действительно хорошая книга обладает свойствами зеркала и отражает запросы и духовный уровень читателя. Совершенно разные люди — будь то эстет, или мастер вычитывать из книг какой-либо подтекст, или подросток, любитель приключенческой литературы, — каждый из них с полным основанием найдет в “Капитанской дочке” то, что ищет.

Мне было лет двенадцать-тринадцать, когда, понукаемый родителями и свернув шею почти на 180 гра-

дусов, чтобы не терять из виду экран КВНа за толстой линзой, я плелся через проходную взрослую комнату в детскую. В тот вечер я шел в кровать так изуверски медленно, потому что в телевизоре билась в истерике и бросала деньги в огонь Настасья Филипповна. Наутро я достал нужный том с полки, впал в оцепенение и к концу первой части физически ощутил, как у меня повернулась и встала поперек грудной клетки душа.

Этот поворот души — над “Маугли” или над “Евгением Онегиным” — сильное и праздничное переживание, и ради него стоит воевать с детьми и закрывать своим телом телевизор. В зрелые годы я надолго забыл давнюю оторопь над только что прочитанным. Но вспомнил, когда тридцати пяти лет от роду захлопнул “Пнина” с отроческим недоумением и растерянностью: вот оно и кончилось, и как же мне теперь быть?

Может быть, в ряду лучших моих воспоминаний — память о чтении и путешествиях. Что-то роднило эти два занятия. И то и другое хоть на время, но оделяло легкомысленным отношением к собственной персоне, главному источнику забот и треволнений. И то и другое изначально было только созерцанием, а становилось сильным бескорыстным чувством. И что-то грозное и правильное давало о себе знать, смотрел ли ты на блистательные очертания Кавказа или читал: “От четырех отважных людей, историю которых мы рассказали, остался лишь прах; души их прибрал к себе Бог”.

ЧАСТЬ I
КРУПНЫМ
ПЛАНОМ

СТРАСТЕЙ ЕДИНЫЙ ПРОИЗВОЛ

Маленькие трагедии

Есть у Владислава Ходасевича стихотворение “2-го ноября”, довольно документальное по свидетельству автора. В нем описывается Москва наутро после октябрьского переворота. Лирический герой бродит с любопытством и недоумением по разоренному городу, видит горе и смятение жителей, возвращается к себе, садится за работу, но замечает, что

... впервые в жизни,
Ни “Моцарт и Сальери”, ни “Цыганы”
В тот день моей не утолили жажды.

Вот по какому счету — вровень с великими историческими потрясениями — могут числиться иные плоды литературного вымысла!

СКУПОЙ РЫЦАРЬ

Пушкин гордился принадлежностью к старинному дворянскому роду, но был по-д'артаньяновски беден, жил в долгах как в шелках и умер должником. Так что унижительную бедность он знал не понаслышке. Равно как и отцовскую скупость. В письме к брату поэт вспоминал: "... когда, больной, в осеннюю грязь или в трескучие морозы я брал извозчика от Аничкова моста, он вечно бранился за 80 коп. (которых, верно б, ни ты, ни я не пожалели для слуги)". По себе знал Пушкин и каково это — быть оклеветанным собственным отцом. Из письма В. А. Жуковскому из Михайловского: "Отец мой, воспользуясь отсутствием свидетелей, выбегает и всему дому объявляет, что я *его бил, хотел бить, замахнулся, мог прибить...* <...> чего же он хочет для меня с уголовным своим обвинением? рудников сибирских и лишения чести? <...> дойдет до правительства, посуды, что будет". Это с одной стороны.

С другой стороны, "Маленькие трагедии" в разной мере, но писаны по испытанным лекалам западноевропейской литературы, так что в фабульном смысле Пушкин Америки не открывает — и прохладно-вежливое почтение не знающих русского языка иностранцев к отечественному культу Пушкина имеет под собой кое-какие основания.

Но сказать в защиту Пушкина, что "Маленькие трагедии" очень хорошо написаны, — это ничего не сказать.

Когда Делорж копьём своим тяжелым
Пробил мне шлем и мимо проскакал...

Первые полторы строки — регулярный ямб: так Делорж приближается, пустив тяжелого коня в карьер. После мгновенной стычки на всем скаку ритм теряет чеканность, будто грохот копыт удаляется.

Теперь Альбер гонится за соперником, и ямб идет вразнос:

А я с открытой головой пришпорил
Эмира моего, помчался вихрем
И бросил графа на двадцать шагов,
Как маленького пажа...

Или вот. Барон у себя в подвале:

*(Зажигает свечи и отпирает сундуки
один за другим.)*

Я царствую!.. Какой волшебный блеск!

Тотчас посреди белого стиха вспыхивают и мерцают рифмы:

Послушна мне, сильна моя держава;
В ней счастье, в ней честь моя и слава!
Я царствую... но кто вослед за мной
Приимет власть над нею? Мой наследник!
Безумец, расточитель молодой,
Развратников разгульных собеседник!

Самая колоритная и живая фигура “Скупого рыцаря”, конечно, Жид*. Его появление привносит в нервоз-

* Во времена Пушкина это слово еще не имело однозначно оскорбительной подоплеки, хотя сам Соломон предпочитает называть себя “евреем”.

ную атмосферу пьесы, пышущей сыновней обидой, молодостью и уязвленным самолюбием, измерение зрелости, горечи и опыта древней выдержки*. Ростовщик неспроста тезка библейского царя, воплощенной мудрости. Он и разговаривает с интонациями Екклесиаста — книги усталости и разочарования:

Как знать? дни наши сочтены не нами;
Цвел юноша вечер, а нынче умер,
И вот его четыре старика
Несут на сгорбленных плечах в могилу.

В лице Ростовщика скепсис отвечает энтузиазму, старческий цинизм — прямодушному рыцарству. Как тут снова не вспомнить Ветхий Завет: "...псу живому лучше, нежели мертвому льву"!

Вот эпизод, где Соломон исподволь подбивает Альбера отравить отца:

АЛЬБЕР
Твой старичок торгует ядом.

Жид
Да —
И ядом.

В этом союзе "и" — союз познания и скорби. Мол, в жизни случается всякое, поэтому может понадобиться

* Забавно, что в "Кремлевских курантах" советского драматурга Н.Ф. Погодина еврей-часовщик тоже осеняет происходящее авторитетом древности, тем самым добавляя пьесе оптимизма: до дипломатического признания Страны Советов еще далеко, но как бы делегат от звездочетов Халдеи уже взял сторону большевиков и даже восстановил для новой власти "связь времен".

то одно, то другое: то приворотное зелье, то яд, то — что-либо еще... Но молодому Альберу дела нет до многообразия житейских обстоятельств, ему вынь да положь здесь и сейчас — “веселись, юноша, в юности твоей”!

Стихия учета и распределения, а с другой стороны — расточительства и произвола гуляют, как ветер, из пьесы в пьесу “Маленьких трагедий”. И монолог Барона — первый обстоятельный подход к этой теме:

Он расточит... А по какому праву?
Мне разве даром это все досталось,
Или шутя, как игроку, который
Гремит костями да груды загребает?
Кто знает, сколько горьких воздержаний,
Обузданных страстей, тяжелых дум,
Дневных забот, ночей бессонных мне
Все это стоило?

.....

Нет, выстрадай сперва себе богатство,
А там посмотрим, станет ли несчастный
То расточать, что кровью приобрел...

Мрачная пьеса. “Низкие истины”, глаголющие устами Ростовщика, берут верх — стремительное и внезапное развитие событий будто призвано подтвердить его правоту: Барон врет своему сюзерену и клеветает на сына, Альбер осмеливается оскорбить отца и даже принимает его вызов на поединок.

“...И сердце сынов человеческих исполнено зла, и безумие в сердце их, в жизни их; а после того они отходят к умершим”*.

* Книга Екклесиаста, 9:3.